

Санкции вынуждают российских предпринимателей оставлять свои посты. Возможно, у Олега Дерипаски и Виктора Вексельберга (на фото) теперь появится время для чтения журналов

смысл

Ошибка ожиданий

Те, кто в Европе и Америке объявляет и усиливает санкции, не дают себе труда подумать, почему в России их усилия имеют ровно противоположный результат. Внутри нашей страны санкции стали не угрозой консервативным политикам, а оправданием их. Санкции питают российский изоляционизм и холодную войну. Неужели этого и хотят на Западе? — задается вопросом главный редактор «Д» Виктор Лошак.

Виктор Лошак

В санкционной войне пострадавшими оказываются не политики, а граждане. Те, кто объявляет санкции, не дают себе труда подумать, почему в России их усилия приводят к результату ровно обратному желаемому? Парадоксально, западные санкции становятся не угрозой консервативным политикам, а оправданием их. В России санкции считаются не как экономическая и политическая мера, а просто как средство консолидации людей разных поколений, к тому же далеко не всегда думающих одинаково. У Москвы еще недавно возникли большие проблемы с выработкой идеологии, и тогда Запад пришел на помощь: вот же она — ответ на санкции! Нас никто не понимает, не желает нам добра, все против нас, и только уже поэтому мы должны объединиться: власть и народ, богоязычные и атеисты, белые и красные, военные и пацифисты. Санкции ударили по всем в России, чьи убеждения — свобода и демократия, потому что на бытовом уровне оправдали антизападничество, изоляционизм, военную истерию, беспредел силовиков. Без санкций невозможно было бы развернуть бюджет от медицины и образования к танкам, ракетам и пушкам. Без них у пропагандистов не нашлось бы красок, чтобы рисовать, будто во времена Брежнева или Андропова, правовые демократические государства Запады злыми карликами, сутки напролет обдумывающими планы уничтожения России.

Трагус политического непонимания так велик, что речь уже идет о вещах ментальных, а не политических. Свои санкции американцы проецируют на собственную систему и, видимо, удивляются, что вместо расшатывания российской власти они лишь укрепляют ее. Им кажется, что основа любого режима — крупный капитал, так вот вам — получите санкционный список. А в подтексте нашей экономической жизни олигархи — люди временные, тем, что у них есть, они не владеют, а пользуются. Хорошо объяснил это экономист Андрей Мовчан: «„Миллиардер“ владеет огромным бизнесом в России только формально, а на самом деле является младшим управляющим по милости Кремля на неопределенное время (возможно, до завтра, а может быть, до полуночи)». Кто не согласен с Мовчаном, пусть вспомнит дело Евтушенкова и «Башнефти». Олигарх был арестован и получил свободу лишь после того, как отдал крупный нефтяной актив госкомпани. И вот такие бизнесмены, постоянно маневрирующие в отношениях с властью, и получают удар от американцев — удар в спину.

Американцы, в частности администрация Обамы, сами признали, что недопонимали Россию, неверно рассчитывали ее шаги. В их прогнозе не было ни Крыма, ни войны на востоке Украины. Теперь они все поняли лучше? Неочевидно. Красных линий, су-

ществующих для каждого в России, не сознают и до сих пор, иначе дали бы по рукам своим восточноевропейским реципиентам за снос памятников героям Великой Отечественной и героизации фашистов, к тому же еще и палачей холокоста.

Без разбора стреляя санкциями по бизнесу, авторы болезненных ограничений не разделяют новых и старых его представителей. Не понимают, что бизнесмены из 1990-х генетически не связаны с властью нулевых, но тем не менее пострадали от санкций первыми. А ведь именно они многим консерваторам и пропагандистам внутри России видятся потенциальными союзниками Запада. Можно было предположить, что именно ельцинская элита будет наиболее уязвима. «Много ресурсов, но мало политического влияния», — политолог Татьяна Становая назвала это сочетание опасным. «Старые олигархи», в отличие от новых, не всегда имеют возможность ответить на санкции теснее прижаться к власти. Именно близость к бюджету едва ли

Политическому классу в той же Германии или Америке должно же быть ясно, в чем конечная цель санкций?

не главный актив российских миллиардеров XXI века. И их-то санкции не отдаляют от денег, а будто связывают с бюджетом еще теснее. Примеров множество.

Украина, Крым, «дело Скрипаля» — все сейчас ушло куда-то на второй план, санкциями Россию просто наказывают за то, что она такая. Не на себя, а на Москву обиделись за победу Трампа? При этом граница санкций, кажется, не понятна и самим американцам. Безусловно, они изменяют собственную политику в случае опасности российским ядерным арсеналам или выплеска беженцев за рубеж. Однако об этом пока речь не идет. Но признаем, что так же безнадежны и упования авторов санкций на смену власти. Никто почему-то в Вашингтоне и окрестностях не ставит совсем простой вопрос о том, что, несмотря на неприятную миру пропагандистскую пургу, Россию нужно вовлекать в западную цивилизацию, а не отторгать из нее буквально с мясом.

К активистам санкций и на Западе появляется ирония. В интервью, публикуемом в этом номере «Д», бывший председатель Военного комитета НАТО Харальд Кюйт, говорит: «Санкции — это не политика, а документальное подтверждение ее отсутствия». Джон Гэппер пишет в FT: «Сити, принимающий российские деньги, а потом делающий вид, что не знаком с ними, демонстрирует не столько законопослушание, сколько равнодушие». Американские санкции, которые могут после заявлений Трампа по Ирану накрыть и Европу, несколько отрезвили ее политиков, в том числе во взглядах на Америку и Россию. «Мы прилагаем усилия, чтобы выйти из-под влияния американской администрации», — заявил на недавних «Потсдамских встречах» другой герой этого номера, государственный министр Михаэль Ротт. —

На многие проблемы мы ищем свой европейский ответ, но это отнюдь не просто».

Хорошо, если не нам в России, то широкому политическому классу в той же Германии или Америке должно же быть ясно, в чем конечная цель все усиливающихся санкций? 40 лет пытаются санкциями расшатать государственную машину Ирана, нельзали узнать: что-то из этого вышло? Экономисты подсчитали, что ежегодные потери каждой российской семьи от роста цен в связи с контрсанкциями и снижения ВВП равны 2450 руб. Но россияне готовы терпеть и не такое. Убрать санкциями президента? Но за Путина проголосовали 76,7% населения. И это ответ исчерпывающий. Превратить Россию в страну-изгой, оставив ей в союзники Северную Корею и Иран? Но нет ничего глупее для мира, чем загонять в угол ядерное государство. Закрытие мессенджера Telegram дает довольно ясное понимание способов реакции в России и на менее значимые вызовы современности.

Не знаю, как немцы и американцы, но думающая часть российского истеблишмента обескуражена. Знаковое письмо опубликовал недавно директор российского Совета по внешней политике Андрей Кортюнов. Оно так и называется — «Чего ты хочешь, Джон?». Это письмо американиста Кортюнова своему собирательному коллеге и другу в Америке. «Джон, а чем все это, с твоей точки зрения, должно в итоге закончиться? — спрашивает ученый. — Насколько я могу судить из Москвы, никакие тактические уступки Кремля положение уже не спасут и общий вектор политики США не поменяют. Стратегическое направление избрано всерьез и надолго... Что же, с твоей точки зрения, может считаться „окончательной“ победой Соединенных Штатов в холодной войне XXI века?» Автор подчеркивает, что к своей власти у него вопросов никак не меньше, чем к американской, но что же в конце концов?

Обидно, что недоделанные американцами иногда доделывают наши политики. Прессвулты Воронеж, можно сказать, скоро будет лежать в руинах. Верность людям и идеям у нас почему-то обязательно нужно проверить на чем-то неоднозначном, как «закон Димы Яковлева». Теперь обе палаты парламента консолидировались на антиамериканских санкциях, которых Америка может и не заметить (объем торговли с Россией — \$10,7 млрд, для США — капля в море), зато хорошо могли заметить ответственные граждане. Только общественный протест остудил желание депутатов и сенаторов запретить закупку лекарств, не имеющих отечественных аналогов, заставил несколько изменить законопроект о наказаниях за содействие санкциям, по которому под статью вполне могли угодить многие иностранные компании, работающие на западных рынках.

...Очень хочется отмотать пленку и вернуться к казавшемуся рутинным миру, ну хотя бы времени, когда некоторыми идеями в Москве еще не овладела идея «русской весны» и военные отпускники не стали массово выбирать лучшее место для отдыха — Донбасс. Сейчас у многих, наверное, ощущения как у сатирика, когда он писал свою знаменитую фразу: «Конечно, свет в конце тоннеля есть, но что же, черт возьми, тоннель все не кончается!»

МНЕНИЕ

Выбросить из головы мифы

В Германии многие пытаются слишком просто объяснить успех Владимира Путина на президентских выборах. Якобы победа просто обусловлена равеннием народа на авторитет. Но все не так просто, считает издатель «Д» с немецкой стороны Йохан Меллер.

Йоханн Михаэль Меллер

Победа Владимира Путина на выборах президента Российской Федерации как таковая в Германии никого не удивила, а вот уровень электоральной поддержки — да. Больше трех четвертей голосов за действующего главу государства при явке выше двух третей от общего количества избирателей — это весьма неплохой результат для политика, находящегося у власти в Кремле уже почти 20 лет, чье правление в последнее время омрачилось стагнацией экономики и последствиями западной политики эмбарго в ответ на аннексию Крыма.

У нас такой поддержке внутри России находят множество объяснений. Не в последнюю очередь это усиление властных вертикалей путинской системы, запугивание оппозиции и доминирование в СМИ и сфере формирования общественного мнения. Тем не менее большая часть российского населения, похоже, привыкла к правителям и реагирует, как в советские годы, бегством в приватную жизнь. Во всяком случае, часто пресса и социологи объясняют это именно так. Жажда свободы перестроечных лет, похоже, утихла, возвращается прежняя покорность властям, а с ней и известный тип советского человека. Тоталитарный режим наложил на народ свой отпечаток, и этот отпечаток помогает удерживать власть сегодня.

Российский социолог и руководитель «Левада-центра» Лев Гудков сегодня убежден, что типичный советский человек с распадом СССР на самом деле никуда не исчез. Более того, он воспроизводится нынешней властной системой. Поэтому Гудков говорит не просто о прерванном курсе на модернизацию, а именно о «волне ресоветизации» российского общества. Коллапс советской системы, с горечью говорит он, «не затронул глубинные слои порожденных ей общества и институтов». Поэтому, по его мнению, можно говорить не об истинной смене системы, а лишь о кризисе тоталитарной системы.

Впрочем, наиболее заметным внешним признаком прежнего советского общества была не столько идеологическая обработка, сколько коллективный цинизм, ставший массовым. Исследования «Левада-центра» свидетельствуют о том, «что российские граждане придерживаются невысокого мнения обо всех государственных институтах». Последнее было характерно для позднего советского периода.

Пожоже на повторение сценария, почти 30 лет назад приведшего к краху СССР. Решающую роль тогда сыграли причины не только экономические и политические, но и социопсихологические. Как советский тоталитарный режим повлиял на людей, их представления о ценностях, поведение и психологическую predisposition? Этот вопрос по сей день остается центральным для исследований «Левада-центра».

Юрий Левада и его знаменитые семинары были зерном современной эмпирической социологии в России, ставшей возможной только с горбачевской перестройкой. К тому же кругу относятся умерший не так давно Борис Дубин, который аналогично франкфуртской школе в послевоенной Германии посвятил себя делу «самопросвещения» России. А также Лев Гудков, нынешний руководитель «Левада-центра», использующий методы современной социологии для проявления вопроса о взаимовлиянии тоталитарной системы и связанного с ней типа человека.

СЕРГЕЙ КОМАНОВ

Антропологический тип советского человека не канул в Лету, но, напротив, в новом тысячелетии вновь стал чаще встречаться в обществе

Учитывая, что в последние годы СССР на авансцену вышел новый западный тип молодого человека со свободным доступом к информации и западным стилем жизни, исследователи центра Юрия Левады полагали, что он сменит последнее поколение, социализация которого проходила в СССР, и предсказывали (уже тогда) отмирание ценностей и практик, характерных для старой системы. По сути, это означало и расставание со старыми материалистическими подходами к объяснению мира.

Однако в последнее время мы увидели усиление государственных гонений на независимую социологию, кульминацией чего явилось внесение «Левада-центра» в 2016 году в список «иностранных агентов», призванное дискредитировать и в итоге парализовать его научную деятельность. Вероятно, не в последнюю очередь поводом к этому послужили исследования, показавшие, что антропологический тип советского человека не канул в Лету, но, напротив, в новом тысячелетии вновь стал чаще встречаться в обществе: «Даже совсем молодые люди, практически не за-

ставшие советские времена, как оказывается, обладают отдельными характерными идеально-типическими признаками». Когда советский человек получил свободу, с горечью констатировал позднее Юрий Левада, «он побежал назад, причем даже не во вчерашний день, а в позавчерашний». Люди были опынены свободой, но не были готовы к ней, писала Светлана Алексиевич в своей знаменитой книге «Время секонд хэнд».

Действительно, успех Путина можно было объяснить народным равеннием на авторитет. И старый, и новый советский человек в своей «любови к патерналистско-тоталитарному порядку» навязывал новым правителям миссию спасителей русского народа. Соответственно, российское общество воспринималось однородно и сводилось к политике Кремля.

При этом понятие «советский человек», популяризованное в послевоенной Германии Клаусом Менертом в его книге, проданной миллионным тиражом, изначально служило совсем другому восприятию. Менерт, безупречно говоривший по-русски и делавший ставку на свой метод включенного наблюдения, в ходе долгих поездок по России сталкивался со своеобразным сочетанием фатализма и веры в авторитет, которое он пытался обосновать ви-

СЕРГЕЙ КОМАНОВ

Когда советский человек получил свободу, с горечью констатировал Юрий Левада, «он побежал назад, причем даже не во вчерашний день, а в позавчерашний»

зантийским наследием России. Однако куда важнее его центральный тезис о том, что русские все-таки не поддались «большевизации» и во многом сумели остаться аполитичными людьми, лишь приспособившимися к режиму в стране. Их собственные, конкретные жизненные обстоятельства были для них куда важнее битвы за коммунизм: «Советская система — по Менерту — служила смиренной рубашкой, натянутой большевиками на в общем-то приветливый, открытый русский народ».

Пропасть между пропагандой и действительностью, как и другие вопиющие противоречия реально существующего социализма, привлекли внимание еще такого наблюдателя, как писатель и философ Александр Зиновьев. Однако только свеже созданный ВЦИОМ, из которого впоследствии появился «Левада-центр», в конце 1980-х годов начал систематически исследовать данный феномен и разбачать героическую картину советского человека как «социальный миф».

К 1970-м годам и в брежневскую эпоху коммунизм советского образца утратил свою формирующую силу и стал «политической декорацией»: советские граждане ретировались в приватную жизнь или уходили во внутреннюю эмиграцию. Оснований говорить о нормативном типе советского человека оставалось все меньше. Об этом процессе, проникавшем глубоко в номенклатуру, можно судить по мемуарам германстки Ирины Шербаковой, чья семейная история отражает многие грани этого отнюдь не однородного советского общества. Прошло не так много времени, и о новом человеке вспоминали разве что с иронией. Так, Александр Зиновьев в конечном итоге говорит о народе оппортунистов, критиканов и циников, не выбирающих средства, дабы избежать тягот советского быта. Около трети российского населения, как выяснил позднее Гудков, подпадает под эту характеристику; к остальным 55–60% она применима в меньшей мере.

Такая автореферентная картина постсоветской реальности нуждается в корректировке. Так, политолог и журналист Мария Липман возражает против восприятия российского общества как апатичного и застывшего, которому чужда социальная модернизация. Кремль не может и не хочет воспринять политическую самостоятельность населения и его возрастающую общественно-гражданскую интегрированность, считает она — можно говорить о приспосабливании, но не о пассивности. Видимо, не стоит забывать, что противопоставление Востока и Запада чревато «ловушкой отсталости» в суждениях о России.

Видение России определяется тем же непониманием, с которым элиты Западной Европы смотрят на страны Европы Восточной, цепляющиеся за свою самобытность. Нужно помнить: путь России в современность определяется многими факторами, а не одним авторитарным наследием. Нарратив о «неизбежной культуре верноподданничества» в России при ближайшем рассмотрении оказывается продолжением старого противопоставления Востока и Запада другими средствами. Настало время наконец выбросить его из головы.